

Трибуна МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА ОБЪЕДИНЕНИЕ

© 2010 г. Н.А. Любутов¹

В каждой отрасли правовой науки существуют устоявшиеся подходы к пониманию ряда юридических терминов и правовых концепций. Нередки случаи, когда пересмотр некоторых правовых конструкций необходим для качественного правоприменения, что особенно актуально для такой базовой отрасли российского права, как конституционное право.

Современное российское законодательство и правоприменительная практика доказали существование новых, ранее не рассматривавшихся в отечественной конституционно-правовой науке особенностей конституционного права на объединение.

Казалось бы, формулировка ст. 30 Конституции РФ предельно понятна и ясна. Однако возникает проблема по поводу термина «объединение».

Представляется, что интегрирующим термином в отношении различных видов ассоциаций как субъектов права на объединение является термин «негосударственное объединение», под которым следует понимать любое объединение лиц, основанное на общей цели или интересе и созданное без участия органов публичной власти.

Основы теории негосударственных объединений были разработаны отечественными правоведом еще в досоветский период. В отечественной научной литературе XIX – начала XX вв. право на объединение (в терминологии той эпохи – свобода обществ и союзов) понималось как право на создание объединений совершенно любого рода вне зависимости от их целей. Главной характеристикой подобного рода союзов являлся их негосударственный характер.

Б.Н. Чичерин в числе девяти основных личных прав граждан упоминал «свободу товариществ (ассоциаций, обществ, союзов)», под которыми понимал любые «постоянные соединения людей для известных целей»². К товариществам (обществам) Б.Н. Чичерин относил все объединения лиц негосударственного характера, включая религиозные, политические, промышленные, акционерные и иные организации.

Н.М. Коркунов рассматривал свободу союзов в качестве составляющей более общей свободы – свободы общения, включающей в себя также еще и свободу собраний³. Если свобода собраний заключается в возможности создавать временные соединения лиц, то свобода союзов, по его мнению, заключается в праве создавать постоянные объединения любого рода, будь то промышленные или в целях совместного развлечения⁴.

Анализируя различные виды обществ, В.М. Нечаев разделял их на общества публично-правовые (облеченные от-

дельными властными полномочиями – местное самоуправление) и частноправовые, имеющие своей целью развитие: 1) хозяйственной жизни – акционерные, коммандитные товарищества, артели и др.; 2) духовной жизни – религиозные, искусствоведческие, научные и др.; 3) физического воспитания – спортивные; 4) общества помощи – благотворительные общества⁵. Таким образом, понятие общества охватывало собой фактически все разновидности негосударственных объединений⁶.

В отличие от отечественной юридической науки начала XX в., в которой теория негосударственных объединений была разработана на весьма высоком уровне, российское законодательство до революционных событий 1917 г. так и не было в достаточной мере наполнено нормативными актами, регулирующими деятельность различных видов негосударственных объединений. Впервые в России право на объединение было закреплено Высочайшим манифестом «Об усовершенствовании государственного порядка» от 17 октября 1905 г.⁷ До подписания названного акта любые негосударственные объединения могли быть учреждены в России только с разрешения органов государственной власти. Разрешительный порядок создания объединений распространялся как на общественно-политические ассоциации (партии, движения и др.), так и на предпринимательские организации (торговые, акционерные, кооперативные товарищества, кредитные общества и др.). Под страхом уголовного преследования запрещалась деятельность объединений, действующих без государственной регистрации. Манифест не конкретизировал перечня объединений, на которые распространялось действие свободы союзов, а сама формулировка была настолько общей, что логично предположить распространение действия данной свободы на любые негосударственные объединения.

Принятые 4 марта 1906 г. в целях реализации закрепленной в Манифесте свободы союзов «Временные правила об обществах и союзах»⁸ распространяли свое действие лишь на общества и союзы некоммерческого вида. При этом некоторые разновидности последних в силу прямого указания этого нормативного акта подлежали регулятивному воздействию других актов⁹. По всей видимости, подразумевалось, что принципы организации и цели коммерческих и некоммерческих объединений существенно различаются, поэтому

⁵ См.: Нечаев В.М. Общества // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. [Электронный ресурс] М., 2002. 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM).

⁶ В досоветской юридической литературе понятие «общества» также приравнивалось к понятию «ассоциации». См., напр.: Тернер, Ф.Г. Акционерные общества // Сборник государственных знаний / Под ред. В.П. Безобразова. Т. II. СПб., 1875. С. 60.

⁷ Доступно на сайте: <http://historyru.com/index.php>.

⁸ Именной Высочайший Указ «О временных правилах об обществах и союзах» от 4 марта 1906 г.

⁹ Таковыми являлись общества и союзы, образуемые в учебных заведениях, и религиозные общины и общества.

¹ Аспирант Государственного университета – Высшая школа экономики.

² Чичерин Б.Н. Общее государственное право. М., 2006. С. 236.

³ См.: Коркунов Н.М. Русское государственное право. Т. I. СПб., 1909. С. 458–459.

⁴ См.: там же. С. 458.

правовое регулирование деятельности обоих видов объединений в одном нормативном акте внесет путаницу в правоприменение. Думается, что данная позиция являлась совершенно правильной. Но означает ли это, что коммерческие объединения исключались из сферы правового воздействия свободы союзов, установленной Манифестом от 17 октября 1905 г.? Вероятно, ибо, нет, если бы свобода союзов распространялась только на некоммерческие объединения, принятие Манифеста никоим образом не отразилось бы на деятельности коммерческих объединений. Между тем Манифест и принятые впоследствии Временные правила, по свидетельству некоторых исследователей, впервые в отечественном праве установили уведомительный порядок регистрации акционерных и иных предпринимательских обществ, которые до октября 1905 г. создавались исключительно в разрешительном порядке¹⁰.

Высочайше утвержденные Основные государственные законы от 23 апреля 1906 г., которые нередко рассматривают в качестве первой в отечественной истории протоконституции, также гарантировали подданным право учреждать общества и союзы в любых целях, не противных законам (ст. 38). Очевидно, что словосочетание “в любых целях” указывает на любые негосударственные объединения, а не только на некоммерческие общества и союзы.

В первом документе, принятом Временным правительством, – “Декларации Временного правительства о его составе и задачах” от 3 марта 1917 г. среди прочих свобод граждан была провозглашена свобода союзов. Постановление Временного правительства “О собраниях и союзах” от 12 апреля 1917 г. гарантировало российским гражданам право на образование обществ и союзов, но при этом правила постановления не распространялись на общества и союзы, преследовавшие цель извлечения прибыли, деятельность которых должна была регламентироваться другими нормативными актами. Незадолго до этого, 20 марта 1917 г., Временным правительством было принято постановление “О кооперативных товариществах и их союзах”, действие которого распространялось на все коммерческие товарищества, кроме акционерных, а также на некоторые некоммерческие общества (потребительские, ссудо-сберегательные и др.).

Постановление Временного правительства “О регистрации товариществ, обществ и союзов” от 21 июня 1917 г. ввело единую процедуру регистрации всех учреждаемых негосударственных объединений. Согласно терминологии данного акта под товариществом понималось объединение лиц для целей извлечения прибыли, под обществом – объединение, не ставящее перед собой цель извлечения прибыли, а под союзом – объединение товариществ и (или) обществ для совместных целей. Важно отметить, что все указанные акты Временного правительства закрепляли уведомительный порядок регистрации коммерческих товариществ, некоммерческих обществ и их союзов, а внутренняя структура объединений определялась ими самостоятельно. Права юридического лица все указанные формы негосударственных объединений приобретали с момента государственной ре-

гистрации, но могли осуществлять свою деятельность и без нее. Кроме того, допустимость союза различных коммерческих и некоммерческих объединений говорит о существовании единой правовой основы деятельности всех форм негосударственных объединений.

После установления власти большевиков и объявления недействующими всех нормативных актов “старого режима” право на объединение было отменено. Согласно принятым нормативным актам создание объединений в Советском Союзе осуществлялось в централизованном порядке государством¹¹. Формально возвращенное в конституционное законодательство в 1936 г. (ст. 126 Конституции СССР 1936 г.) право на объединение приобрело для советского законодателя и отечественных государствоведов советского периода совершенно иное юридическое наполнение. Во-первых, вместо свободы союзов (или права на объединение) было закреплено “право объединения в общественные организации”, среди которых выделялись профсоюзы, кооперативные объединения, организации молодежи, спортивные и оборонные организации, культурные, технические и научные общества, а также Коммунистическая партия Советского Союза. Разумеется, перечисленные организации объективно не являлись добровольными объединениями лиц, поскольку учреждались в большинстве своем актами государственных органов. Во-вторых, все общественные организации могли создаваться лишь “в интересах трудящихся и в целях развития организационной самостоятельности и политической активности народных масс”, что фактически означало отсутствие самого права на объединение. Ведь если “право на объединение” оговаривается идеологическими условиями, причем такими, которые возможно трактовать весьма субъективно, теряется сам смысл объединения. Не случайно в советской доктрине общественные организации, например профсоюзы, считались “приводными ремнями партии”. В-третьих, Коммунистическая партия Советского Союза объявлялась “ядром всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных”. Закрепление на конституционном уровне руководящей роли КПСС над общественными организациями фактически привело к полной подчиненности всех существующих и вновь учреждаемых объединений партийному аппарату (как, впрочем, и всех государственных органов и институтов). Аналогичный подход был применен и в Конституции СССР 1977 г.

Но что же понималось в советском законодательстве под общественной организацией? Анализ текстов Конституций советского периода свидетельствует о том, что понятие “организация” использовалось для определения любого объединения лиц, а также для обозначения любых государственных органов и институтов. Таким образом, понятие “организация” трактовалось расширительно. Понятия “организация” в смысле негосударственного института и “объединение” рассматривались чаще всего как идентичные. В то же время в конституционных нормах советского периода отсутствовал термин “юридическое лицо”. Господствовавшая в советской юриспруденции и воспринятая в законодательстве теория сущности юридического лица О.А. Красавицкова (теория организации) рассматривала всякое юридическое лицо как

¹⁰ См.: Томсинов В.А. Юридическая природа акционерного общества // Законодательство. 1998. № 7. С. 82; Козлова Н.В. Понятие и сущность юридического лица. Очерк истории и теории. Учебное пособие. М., 2003. С. 86. Разрешительный порядок учреждения коммерческих объединений не распространялся только на хозяйственные артели, являвшиеся наиболее простой формой ведения предпринимательской деятельности по российскому законодательству, а также на некоторые формы полных и коммандитных товариществ.

¹¹ См.: постановление ЦИК и СНК СССР “О порядке учреждения и ликвидации всесоюзных обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли” от 6 января 1930 г.; постановление ЦИК и СНК СССР “О порядке деятельности в пределах СССР иностранных и международных добровольных обществ и союзов” от 7 сентября 1932 г.; постановление ЦИК и СНК РСФСР “Об утверждении положения о добровольных обществах и союзах” от 10 июля 1932 г.

социальное образование, посредством которого люди (или их группы) объединяются для достижения поставленных целей в единое структурно и функционально дифференцированное целое¹². Очевидно, что понятия “организация” (“объединение”) и “юридическое лицо” рассматривались как достаточно близкие по своему содержанию: поскольку существование незарегистрированных объединений советское законодательство не разрешало, то понятие “объединение” (“организация”) являлось публично-правовым аналогом частноправового термина “юридическое лицо”¹³. Под понятием “общественная организация” советский законодатель понимал все разновидности негосударственных (формально или фактически) объединений в противовес государственным организациям¹⁴.

В классическом для советского государственного права труде Ц.А. Ямпольской “Вопросы истории и теории общественных организаций” была предпринята попытка разграничить понятия “добровольное общество” (“общественное объединение”) и “общественная организация”. Добровольные общества, с ее точки зрения, являются более общей категорией и включают в себя: общественные организации, массовые общественные движения, кооперативные организации, местную общественную самодеятельность и др.¹⁵

Отечественное законодательство конца 80 – начала 90-х годов положило начало трансформации понимания категории “общественное объединение”. Политические и экономические реформы периода перестройки позволили частным лицам свободно осуществлять предпринимательскую деятельность. Закон СССР от 26 мая 1988 г. “О кооперации в СССР” предоставил гражданам право добровольно создавать кооперативные организации для совместного ведения хозяйственной и иной не запрещенной законом деятельности. Закон рассматривал кооперативные организации в качестве добровольных объединений граждан (ст.5), что соответствовало традиционной советской трактовке кооперативов как разновидностей общественных организаций (объединений), но с одной существенной поправкой – теперь кооперативы могли создаваться не только для потребительской и производственных некоммерческих целей, но и для целей извлечения прибыли в различных отраслях экономики.

Принятый 9 октября 1990 г. Закон СССР “Об общественных объединениях” впервые в советском праве отграничил понятие “общественное объединение” от иных форм негосударственных объединений. Согласно ст.1 под общественным объединением понималось “добровольное формирование, возникшее в результате свободного волеизъявления

граждан, объединившихся на основе общности интересов”. Среди разновидностей общественных объединений закон выделял в том числе политические партии, общественные движения, добровольные общества и др. Общественное объединение, таким образом, стало родовым понятием по отношению ко всем иным видам некоммерческих ассоциаций. Что же касается кооперативных объединений, а также религиозных организаций, органов территориального общественного самоуправления и органов общественной самодеятельности, то они прямым указанием названного акта (абз. 3 ст. 1) были выведены за рамки правового воздействия Закона СССР “Об общественных объединениях”. Нам представляется, что это не означало автоматически исключения всех объединений, не являющихся “общественными” в терминологии закона, из сферы правового воздействия права на объединение. Во-первых, ст. 50 Конституции РСФСР (РФ) 1978 г. (в ред. от 21 апреля 1992 г.) гарантировала гражданам право на объединение без какого-либо указания на разновидности институтов, через которые оно могло быть реализовано. Во-вторых, органы общественной самодеятельности, например, традиционно рассматривавшиеся в качестве разновидностей общественных организаций в советское время, вероятно, были исключены из содержания закона в юридико-технических целях, как и иные указанные организации, на которые не распространялось его действие.

В тексте принятой в 1993 г. новой Конституции РФ в полной мере отразилась некоторая терминологическая путаница, возникшая в начале 90-х годов при детализации статуса негосударственных объединений. В действующей Конституции слово “объединение” встречается 11 раз, из которых 10 – в значении негосударственных объединений, и лишь один раз – для обозначения международно-правового объединения государств с участием Российской Федерации (ст. 79).

В различных конституционных нормах можно встретить следующие словосочетания: “общественное объединение”, “религиозное объединение”, “граждане и их объединения”, а также просто “объединения”. Родовым для всех этих терминов является понятие “объединение”. Надо сказать, что создатели российской Конституции в различных ее нормах использовали указанное понятие в различных смыслах. Так, например, ч. 2 ст. 46, гарантирующая каждому право обжаловать в суд решения и действия (бездействия) органов власти, *общественных объединений* (и должностных лиц, очевидно, относится ко всем объединениям, не являющимся государственными или муниципальными. Слово “общественных” в данном случае свидетельствует лишь о негосударственном характере этих объединений. Часть 2 ст. 19 закрепляет равенство прав и свобод человека и гражданина вне зависимости от “принадлежности к *общественным объединениям*”. “Граждане и их объединения вправе иметь в частной собственности землю”, гласит ч. 1 ст. 36. Проанализировав употребление понятия “объединение” в Конституции РФ, можно прийти к выводу, что оно обозначает в различных ситуациях: 1) объединения лиц, составляющие организационное единство (негосударственные юридические лица, общественные объединения) – ч. 4 ст. 13, ч. 2 ст. 15, ч. 2 ст. 19, ч. 1 ст. 36, ч. 2 ст. 46; 2) религиозные объединения – ч. 2 ст. 14; 3) группы физических и (или) юридических лиц, не составляющие в совокупности организационного единства (например, группа лиц, приобретших в общую собственность земельный участок) – ч. 2 ст. 15, ч. 1 ст. 36.

Для характеристики правовой природы права на объединение важны лишь первый и второй случаи употребления понятия “объединение”. Если бы мы допустили, например,

¹² См.: Красавчиков О.А. Понятие юридического лица в советском гражданском праве // Советское гражданское право / Под ред. О.А. Красавчикова. М., 1985. С. 129.

¹³ Хотя нельзя утверждать, что понятия “общественная организация” и “юридическое лицо” были абсолютно равнозначны, поскольку государственные организации также рассматривались в качестве юридических лиц.

¹⁴ Согласно ст. 11 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик от 8 декабря 1961 г. юридическими лицами являлись: 1) государственные предприятия и иные государственные организации; 2) колхозы, межколхозные и другие кооперативные и общественные организации и их объединения; 3) государственно-колхозные и иные государственно-кооперативные организации.

¹⁵ См., например: Вопросы теории и истории общественных организаций / Отв. ред. Ц.А. Ямпольская, А.И. Щиглик. М., 1971. С. 10–12 и след. Кроме того, все организации, по мнению указанного автора, следует разделять на государственные и негосударственные (см.: там же. С. 28).

распространение понятия “объединение” лишь на общественные объединения в собственном смысле слова, то получилось бы, что любое юридическое лицо, не являющееся общественным объединением, не вправе приобретать земельные участки в РФ, что оно не равно перед законом в сравнении с общественным объединением и т.д. Получается, что характеристика Конституцией объединения как “общественного” означает лишь то, что это объединение имеет негосударственный статус – и ничего более, т.е. Конституция не различает в юридическом смысле статуса негосударственных “объединений” и негосударственных “общественных объединений”. Кроме того, в тексте действующей Конституции РФ нигде не встречается словосочетания “юридическое лицо”, но при этом в ряде случаев используемое понятие “объединение” означает в том числе и юридическое лицо.

Что же может дать системный анализ ст. 30, гарантирующей право на объединение, в совокупности с другими нормами Конституции? По всей видимости, право на объединение распространяет свое действие на все негосударственные коллективные образования физических и (или) юридических лиц. Такой вывод можно сделать по следующим причинам.

Во-первых, как мы уже установили, в нормах Конституции понятия “объединение” и “общественное объединение” употребляются как синонимы. Во-вторых, понятие “объединение” в Конституции применяется в его конституционно-правовом значении, выработанном отечественными правоведом еще в советское время, обозначающем все виды коллективных образований, включая негосударственных юридических лиц. В-третьих, понятие “объединение” (“общественное объединение”) в конституционной терминологии включает в себя и понятие “юридическое лицо”. В-четвертых, право на свободу предпринимательской и иной экономической деятельности, гарантированное ст. 34 Конституции, формально не включает в себя возможности создания каких-либо организационно-правовых форм коммерческих организаций¹⁶.

Учитывая указанные причины, получается, что ст. 30 гарантирует право на создание: 1) собственно общественных объединений, 2) религиозных объединений, 3) негосударственных некоммерческих организаций, не являющихся общественными и религиозными объединениями (например, некоммерческое партнерство), 4) негосударственных коммерческих организаций.

Но охватывает ли такое широкое понимание права на объединение содержание и смысл норм ст. 30 Конституции РФ? Практика последних лет показала, что буквальное прочтение текста Конституции и такое широкое понимание права на объединение не позволяет прийти к правильному выводу о содержании названной статьи. Принятые за последние 15 лет законы о различных организационно-правовых формах объединений и о системе объединений в целом решили эту проблему, но не полностью.

Принятие Гражданского кодекса РФ, Федеральных законов “Об общественных объединениях”, “О некоммерческих организациях” и др. законодательных актов показало, что, с одной стороны, понятие общественного объединения не стоит применять ко всем юридическим лицам, а с другой –

право на объединение распространяется не только на собственно общественные объединения. Разъяснить этот вопрос могло бы прямое указание в каждом законе о различных формах объединений на то, что создание данного вида объединения является формой реализации права на объединение. Но сделано это было только в Федеральном законе “Об общественных объединениях” (ст. 3). Что же касается объединений, не являющихся “общественными” в смысле указанного закона, то их поиск следует начать с выделения признаков объединения согласно ст. 30 Конституции РФ. В числе таких следует назвать: 1) добровольность; 2) наличие общих целей и интересов; 3) личный характер участия членов (участников) в деятельности объединения; 4) негосударственный характер объединения; 5) организационное единство.

Признак *добровольности* означает, что общественное объединение в широком смысле¹⁷ (т.е. как оно трактуется ст. 30 Конституции РФ) может быть создано только путем свободного волеизъявления. Учредители, участники и члены объединения должны выразить свое намерение объединиться, совершив определенные законом формальные действия: провести учредительную конференцию, принять учредительные документы объединения, сформировать органы управления и др. Эти действия призваны отделить любое случайное (ситуативное) объединение граждан от объединения как результата реализации (ст. 30). Это особенно важно в случае отсутствия регистрации объединения. Например, не являются общественными объединениями сами по себе школьный класс, учебная группа студентов, трудовой коллектив. Дифференцирующим критерием выступает акт волеизъявления, формализованный в соответствующих документах. Ни ученики, ни студенты, ни наемные работники не оказываются объединенными по своей воле. Их объединяет, так сказать, “внешний агент” – соответственно, дирекция школы, администрация вуза, работодатель¹⁸. Это, разумеется, не препятствует лицам реализовать в последующем свое право на объединение уже в смысле ст. 30.

Признак *общей цели и общих интересов* означает, что учредители объединения (даже в случае незарегистрированного объединения) публично заявляют, для чего оно создается. Любое негосударственное объединение по самой своей природе является институциональным проявлением и способом формализации целей (интересов). Однако даже если и возможно объединение без цели, то для права оно не существует. История появления права на объединение, сам факт его нахождения в системе конституционных прав и свобод и, наконец, семантический анализ конституционной формулировки свидетельствуют о презумпции публично осмысленного существования того или иного объединения, т.е. о наличии у него четко выраженной цели. С другой стороны, отсутствие публично выраженных целей (интересов) общественного объединения (в широком его смысле) вполне обоснованно рождает подозрение в сознательном сокрытии истинных це-

¹⁶ Хотя в литературе существует и иной взгляд (см.: Авакьян С.А. Конституционное право России. Учебный курс. В 2-х т. Т. 1. М., 2007. С. 618). Автором указанной книги не доказывается убедительно то, что свобода экономической деятельности распространяется на право создания коммерческих организаций.

¹⁷ После принятия Федерального закона “Об общественных объединениях” появилась необходимость применять этот термин и в узком смысле, поскольку, в отличие от Конституции, где он употреблен как родовое понятие, законодательство (указанный закон во взаимосвязи с рядом других законов) определяет общественные объединения только как вид негосударственных объединений в смысле ст. 30 Конституции РФ.

¹⁸ Доказательством последнего утверждения может являться прецедентная практика Европейского Суда по правам человека (см.: Лукьянцев Г.Е. Европейские стандарты в области прав человека: теория и практика функционирования Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод // <http://www1.umn.edu/humanrts/russian/hrtsbook/Reurostandards-Rchapter4.10.html>).

лей. Другими словами, такое отсутствие может свидетельствовать о том, что в данном случае мы имеем дело с тайным обществом. Разумеется, такая таинственность может быть безобидной или даже скрывать благородные цели (вспомним “Тимура и его команду”), но для общества и государства существование подобных тайных объединений потенциально несет в себе угрозу. Кстати, Конституция Польши 1997 г. (ст. 13) среди критериев запрета партий и иных организаций называет и такой, как “сокрытие в тайне структуры или членства”, т.е. фактически тайные организации, хотя прямо и не говорит о сокрытии целей.

Объединение может создаваться для защиты как своих внутренних интересов (интересов участников), так и интересов неограниченного круга лиц, не входящих в данное объединение. В первом случае речь может идти не только о профсоюзах¹⁹, но и о таких объединениях, как, например, потребительские общества, во втором – например, о политических партиях²⁰. В классической доктринальной трактовке негосударственные объединения могут создаваться в целях защиты политических, благотворительных, культурно-просветительских, духовных и иных социально значимых интересов. Именно такое понимание было распространено в юридической науке XIX – первой половины XX вв. Например, А. де Токвиль считал, что право на объединение является правовой основой существования так называемого “третьего сектора” – особой сферы жизни общества, самостоятельной от государственного и предпринимательского секторов и ставящей перед собой принципиально иные цели и задачи (защиту интересов общества). Но в последние десятилетия наметилась общемировая тенденция к расширению сферы воздействия права на объединение и на некоторые виды негосударственных коммерческих объединений. Трансформация природы некоторых коммерческих организаций повлекла усиление их значения в общественных делах, что особенно очевидно в таких областях, как благотворительность, развитие науки и образования и др. По этой причине наряду с классическим разделением организаций на предпринимательские (“for-profit”) и непредпринимательские (“not-for-profit”) во многих правовых системах даже появился третий смешанный вид – так называемые “организации не только для целей прибыли” (“not-just-for-profit”). Отличительной их чертой является то, что формально они созданы как коммерческие организации, но их цели – не только в извлечении прибыли, но и в решении социальных проблем

(например, часть их прибыли обязательно вкладывается в общественно значимые отрасли).

В ряде решений Верховного суда США последних десятилетий отмечается, что свобода ассоциаций применима к созданию не только некоммерческих, но и коммерческих ассоциаций, хотя последнее обеспечивается по сравнению с классическими (так называемыми “экспрессивными” или публичными) ассоциациями минимальный уровень конституционной защиты, обусловленный самой природой коммерческих организаций (получение прибыли является основной целью их деятельности)²¹. Аналогичным образом трактует свободу ассоциаций и Европейский Суд по правам человека, рассматривая в качестве ассоциации любую добровольную организацию в общих целях²². Идя дальше, Европейский Суд признает любую негосударственную организацию или объединение вне зависимости от наличия у него статуса юридического лица неправительственной организацией²³. По аналогичному пути пошел также Конституционный Суд РФ, распространив действие права на объединение и на возможность создания коммерческих организаций в совокупности с правом на свободу экономической деятельности²⁴.

Признак *личного участия* в деятельности объединения можно логически вывести из норм ст. 30 Конституции РФ: негосударственное добровольное объединение тем и отличается от любой другой формы совместной деятельности, что создается в целях самостоятельной защиты прав и интересов участниками объединения путем осуществления ими каких-либо активных действий. Возникает вопрос: какого рода действия члена (участника) могут трактоваться как личное участие в деятельности объединения? Думается, что такие действия могут осуществляться в любой форме, как активной (в виде участия в митинге, пикетировании, собрании активистов, уплате членских взносов, подготовке определенных документов и материалов для общих целей, представления интересов объединения в различных инстанциях и др.), так и пассивной (в виде воздержания от участия в акциях, противоречащих целям объединения), важно, чтобы эти действия были согласованы между участниками объединения и осуществлялись ими *лично*, т.е. не через посредников или наемных лиц. Разумеется, степень активности участников может быть различной, но принципиальное значение для права имеет именно сам факт ее наличия, пусть даже и в минимальных объемах. Особым образом личное участие в деятельности объединения проявляется у участников – юридических лиц. Если физические лица – участники объединения осуществляют свой личный вклад в капитал организации от собственного имени собственным трудом, то юридические лица осуществляют его через своих представителей – волеизъявляющих (исполнительных) органов или собственных участников. Таким образом, право на объединение распространяется прежде всего на создание тех организационных образований, участники которых принимают личное участие в их деятельности. В доктрине гражданского права такие объединения принято называть “объединениями лиц” в

¹⁹ В связи с этим стоит отметить интересный прием юридической техники при формулировании ст. 30 Конституции РФ. Первое предложение ч. 1, дословно заимствованное из текста Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, звучит, напомним, следующим образом: “Каждый имеет право на объединение, включая право создавать профессиональные союзы для защиты своих интересов”. Отсутствие запятой после слова “союзы” означает при буквальном прочтении отнесение требования о защите своих интересов только к профессиональным союзам. Все же иные объединения могут создаваться для защиты как интересов участников объединения, так и всех иных лиц, не состоящих в нем.

²⁰ Вопрос о природе целей и защищаемых объединениями интересов поднимался еще в советской юридической литературе. Так, Ц.А. Ямтальская отмечала, что “цели деятельности общественной организации, как правило, находятся за пределами самой организации, в то время как цели кружков, клубов и т.п. обычно ограничены рамками самой организации” (см.: Вопросы теории и истории общественных организаций. С. 13). Однако в то время цели и интересы всех объединений рассматривались только через призму идеи построения коммунизма, поэтому защите подлежали лишь те объединения, цели и задачи которых способствовали достижению целей коммунистического строительства.

²¹ См., например: *Roberts v. United States Jaycees*, 468 U.S. 609. Part I.

²² См.: Лукьянцев Г.Е. Указ. соч.

²³ См.: Алишев Е. Истец и ответчик в Европейском Суде по правам человека // Корпоративный юрист. 2005. № 3 // СПС “Гарант”.

²⁴ См., например: постановление Конституционного Суда РФ “По делу о проверке конституционности Федерального закона “Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств” в связи с запросами Государственного собрания – Эл Курултай Республики Алтай, Волгоградской областной думы, группы депутатов Государственной Думы и жалобой гражданина С.Н. Шевцова” от 31 мая 2005 г.

противовес “объединениям капиталов”, основанным не на личном участии лиц, а лишь на экономическом вложении денежных средств²⁵. Так какие же объединения лиц можно обнаружить в современном российском праве? Представляется, что названным критериям соответствуют следующие виды объединений: собственно общественные объединения; религиозные объединения; ряд некоммерческих организаций, не являющихся общественными объединениями (например, благотворительные организации, потребительские кооперативы); а также хозяйственные товарищества и производственные кооперативы.

Выше мы уже говорили о том, что право на свободу экономической деятельности прямо не гарантирует возможности создания предпринимательских организаций. Если признать, что право на объединение не распространяется на возможность создания хозяйственных обществ, то это не обеспечено конституционным правом. Очевидным, однако, является и тот факт, что право на объединение не может распространять своего действия на хозяйственные общества в полном объеме, поскольку последние имеют ряд существенных особенностей как по сравнению с некоммерческими организациями, так и с хозяйственными товариществами. Данный вид организационно-правовых форм юридических лиц в наибольшей степени по сравнению с иными подвержен воздействию публичных ограничений, что связано с наибольшей степенью влияния хозяйственных обществ на современные общественные процессы, и это совершенно оправданно. Думается, что хозяйственным обществам согласно ст. 30 Конституции РФ может обеспечиваться лишь такой объем конституционно-правовой защиты, который обеспечивает гражданам свободу создания данного типа объединений и запрет на принудительное вступление в какую-либо коммерческую организацию. Иные правомочия, входящие в право на объединение, могут подвергаться определенным ограничениям,

если речь идет о хозяйственных обществах (например, свобода организации их внутренней деятельности ограничена рядом императивных норм законодательства, предписывающих определенную структуру органов управления обществ и процедуру принятия решений этими органами).

Негосударственный характер объединения прямо вытекает из смысла ст. 30 и принципа добровольности. Сама суть права на объединение заключается в возможности объединиться для защиты своих прав и интересов без участия государства, что подтверждается и названием гл. 2 Конституции РФ, в которой закреплено право на объединение, иначе терялся бы общественно-политический смысл в самом объединении: оно приобрело бы значение “инструмента государственного влияния на общество”. Под словом “негосударственный” следует понимать и немунципальный характер данного объединения, поскольку органы местного самоуправления в РФ, как и государственные органы, являются органами публичной власти. Кроме того, негосударственный характер объединения также означает запрет на вмешательство государства или органов местного самоуправления в процесс создания и деятельности объединения²⁶.

Признак *организационное единство* означает устойчивость структуры объединения, состава его участников и связей между его членами²⁷. В этом смысле признак организационного единства позволяет отграничить негосударственные объединения, речь о которых идет в ст. 30 Конституции РФ, от проявляющейся в участии в общественных мероприятиях и акциях от общественной активности лиц, взаимодействующих друг с другом с различными целями без намерения создавать объединение. Данный признак существенно важен для отграничения права на объединение от свободы собраний, митингов, манифестаций и иных публичных мероприятий.

Таким образом, к общественным (в широком смысле) объединениям можно отнести все негосударственные, в том числе некоммерческие объединения, созданные не менее чем двумя лицами, включая ассоциации и союзы, производственные кооперативы и хозяйственные товарищества (полные и командитные), а также, с некоторыми изъятиями, негосударственные хозяйственные общества.

²⁵ Данное разделение юридических лиц по признаку личного участия на объединения лиц и объединения капиталов достаточно подробно разработано в цивилистической науке. Оно основано на специфике связей учредителей и участников друг с другом, их прав и обязанностей и др. В зарубежной практике также выделяются и смешанные формы юридических лиц, сочетающие в себе черты как объединения лиц, так и объединения капиталов. В России к такой смешанной форме можно относить командитные товарищества, которые, по сути, сочетают в себе как личное участие в делах товарищества полных товарищей, так и экономическое вложение средств командитистами (см. подробнее: *Козлова Н.В.* Указ. соч. С. 221).

²⁶ По сути, это есть дополнительное проявление признака добровольности объединения (см.: *Лукьянцев Г.Е.* Указ. соч.).

²⁷ См.: Вопросы теории и истории общественных организаций. С. 16.